

25 МАЙ 1983

МОЛОДЕЖЬ ГВАРДИЯ
г. Пермь

ПАМЯТЬ

СМОТРИ, РОВЕСНИКИ!

Подобных встреч в майские дни прошло немало. Как всегда, накануне 9 мая ветераны рассказывали молодежи о войне, вспоминали о минувших боях...

Ценность такого искреннего душевного разговора — в огромном заряде нравственной силы, энергии, который несет поколение наших отцов и дедов. В тех качествах личности, которые выявило суровое время войны и которыми так дорожим мы сейчас, когда болезнью некоторой части молодежи называют инфантилизм, недоразвитое чувство ответственности. Привычное сочетание слов «воспитание молодого поколения» наполняется во время такого разговора конкретным современным содержанием.

Наш рассказ — о встрече молодежи Пермского драматического театра с теми его сотрудниками, кто был молод в сороковые. Встрече, подготовленной комсомольской организацией театра.

В СЕМНАДЦАТЬ МАЛЬЧИШЕСКИХ ЛЕТ

Я ТОРОПИЛАСЬ записать — каждое слово, боясь упустить что-то важное для нас в их рассказах, то, что невозможно потерять, что необходимо донести точно, полно...

А они сидели в малом зале большого современного театра с алыми гвоздиками в руках — и не было здесь заслуженных и народных, и главным отличием были ленточки наград на костюмах и платьях... И рассказывали простыми и горькими, и прекрасными словами о времени своей молодости, о «военных» премьерах, о поездках на фронт.

И главное — о настрое, о состоянии души в то нелегкое время.

Говорит Лидия Владимировна Мосолова, актриса, участник фронтовой бригады.

— Сорок первый... Мы двигались в одном направлении с нашей пехотой, вместе с нашей пехотой. Люди шли на смерть, и последней встречей с мирным, гражданским населением — была встреча с нами... Мы видели первых пленных фашистов

— наглые, вызывающие, они не считали нас людьми, эти выхолощенные молокосы, воспитанники гитлерюгенда, которые несли ненависть к советскому строю. Главное — у них что жить, убить всех, кто не арийской расы. Сколько слез, смертей, горя мы видели! Дымящиеся печные трубы в наших деревнях. Одни печные трубы... А самих деревьев, сел, поселков не было.

Сожженная деревня. недалеко от командного пункта. И — никогда не забыть! — колодец, забитый трупами детей: их расстреляли фашисты. Животная, не знающая границ ненависть.

Женщина неподвижно сидела неподалеку, словно ждала кого-то. Кого?

Забывать — нельзя, просить — нельзя!

Но жизнь — сильнее смерти, всегда. Мы очевидцы многих слез и страданий. Но мы же и очевидцы большого оптимизма, непоколебимой уверенности народа в то, что отступление наше — временное. Человечеству всегда дорого стоило стремление к свободе, утвержде-

ние права на жизнь. А искусство всегда утверждало это право! И мы видели, как нужно наше искусство людям...

Лидия Владимировна говорила — и становилось ясно не только то, какие произведения она вместе с товарищами читала на фронте, но и то, как она читала знаменитые «Жди меня...», «Убей его...»

И вновь стояла в зале тишина, которая бывает разной и которая разной была и во время этой встречи. То гневной, напряженной — когда речь шла о злодеяниях фашистов, то торжественной и скорбной — когда минутой молчания зал почтил с войны не вернувшихся.

ГОВОРИТ Мария Федоровна Януш, актриса, приехавшая в Пермь в августе сорок первого...

— Я сразу почувствовала в театре особый настрой, боевой комсомольский дух.

Я участвовала в первой из фронтовых бригад Перми. Ехали мы составом, в котором, как потом оказалось, чередовались цистерны с го-

рючим, вагоны с боеприпасами, теплушки с девушками-санитарками... Два вагона из этого состава были нашими.

Дважды выезжали на Северо-Западный фронт, принимали участие в спасении раненых из горящего госпиталя.

КАКИМ был он, театр военных лет? Об этом рассказывали и помощники режиссера в те годы А. М. Офрихтер и К. Н. Рутковская, работавшая одновременно и секретарем-машинисткой, и В. А. Горбунов, пришедший в электроцех театра случайно, но не случайно в театре оставшийся...

Об условиях работы скажет только одна деталь. Монтировщиков в те времена в театре не было — все ушли на фронт, и «менять обстановку» в разных картинах было обязанностью А. М. Офрихтера, которая весила в то время... сорок два килограмма. И с такой же тщательностью, как обговаривали они с режиссером мизансцены, решали они и вопрос, какую деталь из «обстановки» — кресло, тя-

желый стул — мог прихватить при выходе со сцены кто-либо из актеров посиленнее...

Театр работал в годы войны в Мотовилихе (сейчас в этом здании спортклуб «Молот»), в помещении Дома офицеров, на площадке в саду имени А. М. Горького... Первый военный сезон открылся 6 ноября 1941 года спектаклем «Кремлевские куранты» Н. Погодина.

На вечерней встрече прозвучали отрывки и из этого спектакля, и из других, составивших «военный» репертуар театра: «Фронт» А. Корнейчука, «Нашествие» Л. Леонова, «Русские люди» К. Симонова...

Исполнены они были молодыми артистами драматического. И звучали, как почти сорок лет назад, те же самые дорогие слова — о Родине, патриотизме, мужестве.

Один из выступавших перед В. А. Горбуновым сказал про него: «Пришел к нам совсем мальчишкой».

— Какой же мальчишка — в восемнадцать-то лет! — загорячился Горбунов, начиная говорить, еще спускаясь по лестнице со своего места. — В восемнадцать — взрослый серьезный человек, и я один — все! И спросил по большому счету. Ни одного приказа о прогулях у нас в цехе не было за всю войну. Прогульщик — значит дезертир. И опозданий не было. А по городу ходило всего 3—4 трамвайных вагона и только первого маршрута...

ВСЕ ОНИ: и актеры, и режиссеры, и работники постановочных цехов, вспоминают военное время, как время большого душевного подъема, как время, объединившее всех единой мыслью, идеей Победы.

На стенде, оформленном комсомольцами театра, — фотографии ветеранов, их имена. Здесь рассказ о студии, сформированной в 1943 году, афиши и программы военных времен.

Здесь золотом выведены фамилии тех, кто не вернулся с фронта.

Т. ЧЕРЕПАНОВА.

На снимке: выступает Л. В. Мосолова.

Фото Г. ТОКМАКОВА.

